

Жанровое своеобразие ветхозаветного пророчества

С.А. Демченков

По справедливому замечанию М. Селезнева, «библеистика последних двух десятилетий открыла для себя Библию как литературное произведение – с особыми риторическими приемами, чуждыми для нашего сознания жанрами, литературными условностями» [1]¹. Впрочем, говорить о том, что поэтика библейских книг изучена с должной полнотой, еще преждевременно. Не составляют исключения и книги ветхозаветных пророков. В поисках жанрообразующих признаков пророчества внимание исследователей чаще бывает направлено на стилистические и композиционные особенности анализируемых текстов [2].

Действительно, устойчивые риторические формулы и композиционные шаблоны представляют собой наиболее явные показатели жанровой принадлежности произведения. Однако это признаки хоть и необходимые, но не достаточные. Не в них сосредоточивается «существо» жанра. Более того, мы легко можем представить себе пророчество, лишенную традиционной пророческой риторики, но не утрачивающую, тем не менее, своего жанрового «лица». С другой стороны, в формальном плане ветхозаветные провозвестия также весьма вариативны, и лишь крайне немногие стилистические и композиционные конструкции могут быть признаны для них строго обязательными.

В поисках признаков, определяющих специфику пророчества как жанра, прежде всего необходимо обратить внимание на особенности его субъектной организации. В этом плане оно достаточно отчетливо противопоставлено эпическим хроникальным книгам (Пятикнижие, книги Судей, Царств, Паралипоменон) с их коллективным авторским «я». Однако столь же далеко отстоит оно и от собственно лирических произведений, выражающих субъективные авторские эмоции (таких, как, например, псалмы). Пророчество не просто занимает промежуточную позицию между двумя этими крайностями: оно парадоксальным образом объединяет их в себе, сочетая субъективизм лирического самовыражения с эпической дистанцированностью повествователя от предмета повествования.

С одной стороны, пророк выступает в роли автора-эпика, отображая в своем произведении объективную, «внешнюю» по отношению к нему реальность, воспринятую им в процессе откровения. При этом он зачастую может и не понимать смысла разворачивающихся перед его внутренним взором картин и даже совершаемых им самим по велению Свыше поступков:

«Так сказал мне Господь: пойдя, купи себе льняной пояс и положи его на чресла твои, но в воду не клади его. И я купил пояс, по слову Господню, и положил его на чресла мои. И было ко мне слово Господне в другой раз, и сказано: Возьми пояс, который ты купил <...>, пойдя к Евфрату и спрячь его там, в расщелине скалы. Я пошел и спрятал его у Евфрата, как повелел мне Господь. По прошествии же многих дней сказал мне Господь: встань, пойдя к Евфрату и возьми оттуда пояс, который Я велел тебе спрятать там. И я пришел к Евфрату, выкопал и взял пояс из того места, где спрятал его, и вот – пояс был испорчен, ни к чему стал негоден» (Иер. 13:1-7) .

Повинуясь божественному слову, пророк производит над купленным им поясом совершенно абсурдные с обыденной точки зрения действия, не догадываясь об их потаенном символическом смысле, который будет раскрыт ему Богом позднее. Подобно создателям ветхозаветных хроник, он воспринимает происходящее как данность; стремится запечатлеть сами факты, а не свое к ним отношение.

Одна из характерных особенностей пророческого жанра – установка на достоверность. Автор хочет убедить читателя в том, что рассказанное им не является вымыслом. Поэтому в текст проникают различного рода фактические привязки (указания даты и места, ссылки на те

---

¹ Это не означает, что мы должны рассматривать Книгу Книг исключительно как литературный памятник, как книгу с маленькой буквы. Такой подход был бы ошибочным. Однако в то же время нельзя не признать, что входящие в её состав произведения обладают не только глубоким этико-философским и религиозным содержанием, но ещё и художественной формой, которая также играет немалую роль и, следовательно, заслуживает изучения

или иные памятные современникам события): «И было во дни Ахаза, сына Иоафамова, сына Озии, царя Иудейского» (Ис. 7:1); «Во второй год царя Дария, в шестой месяц, в первый день месяца, было слово Господне через Аггея пророка к Зоровавелю, сыну Салафилеву, правителю Иудеи, и к Иисусу, сыну Иоседекову, великому Иерею» (Агг. 1:1) и т. д.

Этим же – хотя пророческий жанр избегает повествовательности в чистом виде – обусловлено появление в тексте автобиографических фрагментов. Степень автобиографизма зависит от многих обстоятельств и может колебаться в самых широких пределах. В отдельных случаях (книга Иеремии) произведение представляет собой достаточно последовательный рассказ о жизни автора, регулярно перемежаемый его проповедями и видениями. Порой мы сталкиваемся лишь с отдельными автобиографическими вкраплениями (как, например, в книге Исаии). И, наконец, автобиографический материал может вообще отсутствовать, что мы наблюдаем в книгах малых пророков (См., впрочем: Ам. 7:10-15; Ос. 1:2-9).

Определяющим фактором здесь является, по-видимому, характер миссии, взятой на себя пророком. Если он выступает только в роли проповедника, текст полностью лишен автобиографизма. О своих поступках пророк сообщает лишь в тех случаях, когда они становятся частью его проповеди (совершаемые им символические действия, его противостояние власти предрешающим и т. п. См., например: Ис. 37; 38; Иер. 20:1-3; 36-38 и т.д.). Чем более «наби» пророчествует самим образом своей жизни, тем более автобиографично его произведение. Как следствие, мы не встречаем в ветхозаветных пророчествах ни одного автобиографического упоминания, которое так или иначе не было бы связано с провозвестнической деятельностью автора.

Таким образом, пророческий автобиографизм весьма далек от автобиографизма в современном понимании этого слова. Объектом внимания пишущего становятся не факты собственной биографии, а этапы осуществления своей миссии. О событиях личной жизни (как, например, женитьба, рождение ребенка и т. п.) упоминается лишь в тех случаях, когда они также приобретают некий символический смысл:

«И сказал Господь Осии: «иди, возьми себе жену блудницу и детей блуда; ибо сильно блудодействует земля сия <...>». И пошел он и взял Гомерь, дочь Дивлаима; и она зачала и родила ему сына. И Господь сказал ему: «нареки ему имя Изреель, потому что еще немного пройдет, – и Я взыщу кровь Изрееля с дома Ииуева и положу конец царству дома Израилева» (Ос. 1:2-4).

Существование неавтобиографического пророчества, написанного сторонним наблюдателем, вообще принципиально невозможно. Ведь пророчество – это одновременно и самоотчет провозвестника, и (наряду с устной проповедью) – одна из форм осуществления его миссии, и эта миссия не может быть передоверена никому другому.

Думается, что традиционно используемое словосочетание «пророческая проповедь» не вполне удачно, потому что никак не указывает на существенную особенность пророчества – его полижанровость. Помимо проповеди и видения (из которых первая является обязательным компонентом, а второе – необязательным, но практически неизбежным²), в состав пророчества могут входить: **1)** фрагменты биографического повествования (Ис. 36-39; Иер. 20-22 и т. д.); **2)** песня (Ис. 12); **3)** плач (Ис. 16:9-12; Ам. 5 и т. д.); **4)** слава (Ис. 25-27, Авв. 3 и т. д.); **5)** притча (Ис. 5:1-7; 29:11-12; Иер. 24; Иез. 17; 19; 24:3-14 и т. д.); **6)** завет (Ис. 54); **7)** поучение (Ис. 58); **8)** молитва (Ис. 64; Иер. 12; 15:12-18; 17:13-18 и т. д.); **9)** послание (Иер. 29); **10)** пословица (Иез. 12:22; 18:1) и т. д.

Подобная жанровая «всеядность» объясняется тем, что пророчество, в сущности, представляет собой точнейший стенографический отчет. Это не проповедь самого пророка, а проповедь Пославшего, записанная пророком с Его слов. Чтобы подчеркнуть это, автор постоянно прерывает свою речь ремарками, призванными засвидетельствовать, что написанное не является его измышлением, что он лишь передает сказанное ему Богом: «Так говорит Господь» (Ис. 43:1; 44:2; 45:1; Иер. 4:3; 6:16; 48:1; Ам. 2:1 и т. д.); «Слово, которое было к [имя пророка] от

² Иногда видения выделяются в самостоятельные текстовые блоки (Ис. 6; Иез. 1; Ам. 7 : 1 – 9; Зах. 1 : 8 – 21; 3 и т. д.), но гораздо чаще они органически входят в состав проповеди. Точнее сказать, сама проповедь состоит из цепочки чередующихся друг с другом риторических восклицаний и видений (См., например: Ис. 2; 3; 4; 5; Иер. 4; 5; 6; Иез. 5; 6; 7 и т. д.).

Господа» (Иер. 7:1; 14:1; и т. д.); «И было ко мне слово Господне» (Иер. 16:1; Иез. 3:16; 7:1; 11:14 и т. д.); «Слушайте слово Господне» (Иер. 31 : 10; Ос. 4 : 1 и т. д.) и т. п. Регулярное включение в текст таких фраз-напоминаний (разумеется, если его объем достаточно велик) представляет собой одну из характерных композиционных особенностей ветхозаветных пророческих книг.

Еще один строго обязательный композиционный элемент – это традиционный зачин, в котором называется имя пророка, отмечается, что все сказанное ниже было получено им от Бога посредством откровения, и нередко определяется тема его проповеди:

«[боговдохновенность:] Пророчество [тема:] о Ниневию; [боговдохновенность:] книга видений [имя:] Наума Елкосеянина» (Наум 1:1); «[боговдохновенность:] Пророческое видение, которое видел пророк [имя:] Аввакум» (Авв. 1:1) и т.д.

Как правило, для придания сообщению большей достоверности приводятся генеалогические подробности, позволяющие установить личность пишущего; указывается, когда было получено откровение и иногда – место, где это происходило (причем такие указания часто бывают очень подробны и даже могут производить впечатление избыточности):

«[боговдохновенность:] Видение [имя:] Исаии, [родословие:] сына Амосова, которое он видел [тема:] об Иудее и Иерусалиме, [время создания:] во дни Озии, Иофама, Ахаза, Езекии, царей Иудейских» (Ис. 1 : 1); «И было: [время создания:] в тринадцатый год в четвертый месяц, в пятый день месяца, [место создания:] когда я находился среди переселенцев при реке Ховаре, [боговдохновенность:] отверзлись небеса, и я видел видения Божии. [время создания:] В пятый день месяца (это был пятый год от пленения царя Иоакима), [боговдохновенность:] было слово Господне к [имя:] Иезекиилю, [родословие:] сыну Вузия, священнику, [место создания:] в земле Халдейской, при реке Ховаре» (Иез. 1:3).

Из входящих в состав Ветхого Завета пророческих книг такой зачин отсутствует лишь в книге Даниила³, что, впрочем, и не удивительно, поскольку она относится к более позднему этапу в развитии жанра, когда совершается переход пророчества в апокалиптику, и уже не является пророческим в собственном смысле слова.

На первый взгляд, все сказанное выше находится в противоречии с тезисом о яркой проявленности личностного начала в творениях ветхозаветных пророков. Однако «отказ» от авторства, стремление с предельной точностью воссоздать в тексте слова Творца, не примешав к ним своих слов, составляет лишь одну сторону медали. Не привнося ничего своего, пророк, тем не менее, вкладывает в текст всего себя. Разгадка этого парадокса заключается в том, что личная нравственная позиция пишущего полностью совпадает с позицией Говорящего: мы слышим не один голос, а два голоса – Бога и человека – звучащие в унисон. Не будем забывать: пророк – и наблюдатель, и объект наблюдения в одном лице, что характерно для лирического рода литературы.

Пророчество всегда предельно насыщено эмоциями, причем они обычно доведены до своих крайних проявлений: «Горе Аришу [т.е. Иерусалиму.– С.Д.], городу, в котором жил Давид! [...] И будешь унижен, с земли будешь говорить, и глуха будет речь твоя из-под праха» (Ис. 29:1-4); ср.: «Восстань, восстань, облекись в силу твою, Сион! Облекись в одежды величия твоего, Иерусалим, город святой! [...] Отряси с себя прах; встань, пленный Иерусалим!» (Ис. 52:1-2).

В гневных обличениях и восторженных хвалах проявляется темперамент самого пророка. Произносимые им слова Всевышнего «наби» ощущает и своими собственными словами. В противном случае он просто не смог бы донести их эмоциональный и смысловой заряд до слушателей, тем более, что в момент произнесения проповеди пророк далеко не всегда находится под воздействием Божества и нередко лишь повторяет сказанное ему ранее (Иер. 22:1-24; 7:1-2 и т. д.).

Хотя, на первый взгляд, пророчество представляет собой сплошной монолог, в действительности оно внутренне диалогично. Прежде всего, это диалог Пославшего и посланника. Ведь, будучи пророком, автор не перестает быть человеком. Он не всегда способен постигнуть

³ Мы не говорим здесь о плаче и о послании Иеремии: хотя эти книги и включены в корпус пророческих произведений, по своей жанровой принадлежности пророчествами они не являются.

замысел Творца и может сомневаться в оправданности Его решений. Наглядной иллюстрацией тому служит последняя глава в книге Ионы, где рассказывается, как Бог лишь путем хитроумного убеждения сумел переломить упрямство своего посланца, недовольного проявленным Им милосердием (Ион. 4).

Подобно Иову, пораженный преуспеянием нечестивых, Иеремия призывает Господа на суд, и Тот отвечает ему, чтобы рассеять его неверие (Иер. 12); он просит покарать его врагов (Иер. 15:15-21; 18:19-23); поверяет Богу свои сомнения и никогда не остается без ответа (см.: Иер. 14:8-14).

Фигура пророка в произведении как бы раздваивается. Пророк-человек слаб и часто не способен постичь божественную мудрость. Пророк-вестник является глашатаем Божества. Он просветлён, очищен от греха низлиянием Святого Духа (Ис. 6:6-7). Таким образом, провидец вступает в диалог не только с Создателем, но и с самим собой. Присутствие в произведении неявленного внутреннего конфликта становится первым шагом на пути к углубленному психологизму, свойственному литературе нового времени. Порой этот внутренний диалог, спор пророка и человека, совершенно явственно проступает в тексте:

«Ты влек меня, Господи, – и я увлечен; Ты сильнее меня – и превозмог, и я каждый день в посмеянии, всякий издевается надо мною. <...> И подумал я: не буду напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его; но было в сердце мое, как бы горящий огонь, <...> и я истомился, удерживая его, и – не мог <...> со мною Господь, как сильный ратоборец; поэтому гонители мои споткнутся и не одолеют <...> Пойте Господу, хвалите Господа, ибо он спасает душу бедного от руки злодеев, – Проклят день, в который я родился; день, в который родила меня мать моя, да не будет благословлен! <...> Для чего вышел я из утробы, чтобы видеть труды и скорби, и чтобы дни мои исчезали в бесславии?» (Иер. 20:7-18).

И наконец, диалогизм пророчества проявляется в том, что оно всегда адресовано конкретной аудитории. Нередко отдельные части текста произносились в разное время и перед разными людьми: *«Слово, которое было к Иеремии от Господа: Стань во вратах дома Господня и провозгласи там слово сие» (Иер. 7:1); «Так сказал Господь: сойди в дом царя Иудейского и произнеси слово сие» (Иер. 22:1).*

Порой адресат пророчества бывал очень конкретен: *«И сказал Господь Исаии: выйди ты ... на встречу Ахазу ... и скажи ему...» (Ис. 7:3-4); «Слово, которое было к Иеремии от Господа, когда царь Седекия прислал к нему Пасхора, сына Молхиина, и Софонию, сына Маасеи священника» (Иер. 21:1); «Слово, которое было к Иеремии от Господа ...: Иди в дом Рехавитов и поговори с ними» (Иер. 35:1).*

Но вместе с тем каждое слово пророческих книг обращено ко всему народу. Когда «наби» пророчествует перед толпой, собравшейся во дворе храма, или, стоя у подножия трона, обвиняет царя в его прегрешениях, он говорит в их лице со всем израильским народом.

Нередко повествование драматизируется. Автор словно бы вступает в спор со своим незримым оппонентом, отвечает на его реплики, призывает его к совершению тех или иных действий. При этом диалог часто перерастает в полилог:

«[Бог – народу:] Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных ...

[пророк – Богу:] Нет подобного Тебе, Господи! Ты велик, и имя Твое велико могуществом. Кто не убоится Тебя, царь народов?...

[пророк – народу:] Разбитое в листы серебро привезено из Фарсиса, золото – из Уфаза: дело рук художника и рук плавильщика <...> А Господь Бог есть истина; Он есть Бог живой и Царь вечный ...

[Бог – народу:] так говорит Господь: вот, Я выброшу жителей сей земли на сей раз и загоню их в тесное место, чтобы схватили их ...

[пророк от лица всего народа – Богу:] Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим. Наказывай меня, Господи, но по правде, не во гневе Твоем, чтобы не умалить меня (Иер. 10:2-24).

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее характерными особенностями пророчества являются: его полижанровый характер (с доминантной ролью проповеди и видения); сочетание повышенной эмоциональности и субъективизма с установкой на достоверность, стремлением с максимальной точностью передать увиденное и услышанное в состоянии глоссолалии; «раздвоение» авторского «я»; тенденция к раскрытию внутреннего мира автора-героя; тенденция к автобиографизму; наличие стандартного зачина и композиционных скреп-обращений; диалогизм.

-
1. *Селезнев М.* Амос 7 : 14 и пророческая риторика // Библия: литературные и лингвистические исследования.– М., 1997.– Вып. 1.– С. 122.
  2. См., кнапримеp: *Селезнев М.* Указ.соч.; *Noble P. R.* The literary structure of Amos: A Thematic Analysis// *Journal of Biblical Literature.*– N. Y., 1995.– Vol. 114.– № 2.; *Barré M. L.* Restoring the “lost” prayer in the psalm of Hezekiah (Isaiah 38 : 16 – 17b) // *Journal of Biblical Literature.*– N. Y., 1995.– Vol. 114.– № 3.; *Seitz Ch. R.* How Is the Prophet Isaiah Present in the Latter Half of the Book? The Logic of Chapters 40 – 60 within the Book of Isaiah // *Journal of Biblical Literature.*– N. Y., 1996.– Vol. 115.– № 2. и др.

Демченков С.А. Жанровое своеобразие ветхозаветного пророчества // Филологический ежегодник. – Омск: Омск. гос. унт-т, 2005. – Вып. 5-6. – С. 27-31